

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ПОРЯДКА В МОДЕРНИЗИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ

В статье обосновывается мысль о том, что главной проблемой модернизирующегося общества является проблема выбора между свободой и порядком. Именно необходимость такого выбора обусловила специфику модернизации в СССР в начале XX века, а также стран Юго-Восточной Азии во второй половине XX века. С позиций автора, эффективность восточных стратегий модернизации детерминирована оптимальным соотношением свободы и порядка, традиционных механизмов самоорганизации культур и экзогенных новаций.

Ключевые слова: модернизация, традиционная культура, культурный код, традиционные механизмы самоорганизации, инновации, демократические институты, культура модерни.

Теория модернизации, возникшая в условиях противостояния двух идеологических систем, предполагала не только научное обоснование преимуществ западного пути и критику социалистической альтернативы, но и выработку универсальных «рецептов» достижения того состояния общества, которым характеризовались западные страны. Однако реальный опыт модернизации стран Азии, Африки и Латинской Америки, осуществляемый по данным «рецептам», оказался весьма далек от концептуальных схем теоретиков модернизации. Модернизация в традиционных обществах предстала как невиданное ранее социальное расслоение, усиление конфликтов и противоречий, рост преступности и коррупции, нравственная деградация общества. Таким образом, модернизация, осуществляемая по универсальным «рецептам», привела к разрушению уникальных культур.

Каковы же причины срыва модернизационных проектов в незападных обществах? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу традиционной культуры, ее структуры и базовых ценностей. Традиционные культуры – это культуры, ориентированные на воспроизводство общественной жизни в устоявшихся, веками апробированных формах и имеющие источником легитимации социальной активности сакральную традицию. Главной ценностью данных культур является стабильность, порядок, гомеостатическое равновесие с окружающей средой. Однако ориентация на стабильность не означает абсолютной статичности системы. Для традиционного общества характерна гомеостатическая форма адаптации, когда поддержание заданных структур осуществля-

ется путем их незначительной модификации, не затрагивая основ информационных программ, «ядра» культуры (Э.С. Маркарян). В традиционной культуре как полиморфной системе существуют свои источники социальной активности, но они имеют иную природу, нежели в современном обществе. Например, в Китае достигательные ориентации реализовывались в этической сфере, на военной, гражданской службе или в интеллектуальной деятельности [1, с.68], в Индии – в духовно-религиозной сфере, в исламских культурах – на политическом и военном поприще. Источники социальной активности могут быть укоренены в отдельных группах, слоях общества, которые рассматривались в теориях самобытности как «аналоги» протестантской этики. Так, стремление к социальным изменениям характерно для отдельных каст и варн индийского общества: в политической сфере – это кшатрии, в экономической – вайшьи [18, с. 164-175], а также для религиозных сект (джайны, сикхи в Индии) [7, с. 199]. Таким образом, в традиционных культурах существуют свои источники социальной активности, но все они встроены в специфическую социокультурную систему и подчинены высшим духовным ценностям.

Традиционные культуры обладают мощными возможностями обеспечения стабильности не только общества, но и личности, предлагая ей надежные, выверенные веками механизмы адаптации к экзистенциальному кризису. С одной стороны, личность в таком обществе целиком подчинена коллективному целому, обладает минимумом прав и свобод. С другой стороны, в таком жестко организованном обществе действу-

ют мощные компенсаторные механизмы, адаптирующие человека к системе и дающие ему возможность в большей или меньшей степени быть удовлетворенным своим существованием.

Таким важнейшим компенсатором является сосредоточенность человека на духовных ценностях и идеалах, которые носят преимущественно религиозный характер. Цель жизни понимается как постижение сакрального смысла бытия, движение к божественному идеалу. А реализация таким образом понимаемого смысла жизни не может быть ограничена никакими наличными (материальными, социальными и пр.) условиями. Другим важнейшим компенсатором в традиционной культуре является коллективизм, поскольку именно коллектив оказывает человеку конкретную повседневную помощь, дает ему чувство защищенности, возможность реализации экзистенциальной потребности в общении.

Стабилизирующим фактором психологического самочувствия личности в традиционном обществе является и его ориентация на традицию, статичность, медленность изменений, которые происходят в обществе. Как известно, в каждой культуре существует своя стандартизированная система стремлений и способов их удовлетворения, которая предлагается человеку. В традиционном обществе подобная система ответов на жизненно важные вопросы, волнующие каждого человека, является предельно жесткой и ограниченной, а потому проблема выбора не стоит слишком остро. И, поскольку жизнь меняется очень медленно, существование человека в традиционном обществе достаточно стабильно: «наследуемый статус и крайне медленный темп социальных изменений делают его будущее более гарантированным и предсказуемым» [13, с. 396].

Механизмы самоорганизации традиционных культур складывались на протяжении многих веков под воздействием множества факторов и находили свое отражение в структурах мышления, обычаях и верованиях народа, институтах социализации и способах кодирования. Здесь сформировались свои нормы повседневной морали, свои представления о добре и зле, о свободе и долге человека. Если в западных культурах свобода человека – условие его благополучия и счастливой жизни, то в традиционных культурах свобода – главная причина разрушения социального порядка и нравственной деградации общества. Если на Западе коррупция – это преступление,

то в традиционных культурах – выполнение родового долга, заслуживающее уважения. Поэтому насильственный слом этих традиционных механизмов самоорганизации порождает культурный шок, утрату способностей к продуктивной деятельности, социальную апатию.

Внедрение в культуру экзогенных новаций, не соответствующих ее «ядру», вызывает конфликт традиций и новаций и отторжение новаций даже в тех случаях, когда эти новации носят, казалось бы, нейтральный ценностный смысл. Так, внедрение новых технологий, отличных от традиционных орудий труда, у африканских народов требовало не только изменения трудовых навыков его обладателя, но и социально-психологической переориентации личности, формирования пространственно-перспективного воображения, не характерного для африканских культур [9, с. 149-150]. В Индии использование техники в земледельческом труде оценивалось как кармический грех, наказуемый последующим рождением человека в низшей касте [4, с. 157]. Для буддийского сознания техника, являясь продуктом человеческого творчества, развивается по другим законам, она не знает самоограничения и самоочищения, а потому противоречит человеческой природе, навязывая ей свои бездуховные законы бытия и превращая человека в свой придаток [7, с. 216].

Попытки изменить эти ментальные характеристики через систему европейского образования оказываются неэффективными, поскольку традиционные культуры основаны на принципиально иной, нежели европейская, а именно на профессионально-именной схеме кодирования культурной информации: «Знание здесь профессионально, то есть фрагментировано по мерке физических и ментальных возможностей человека или малой группы (семьи); каналом трансляции знания является семья, а основная часть знания воспроизводится по формуле «делай, как я» [15, с. 87-90]. Мышление в таких культурах носит конкретный, наглядно-действенный характер и не выходит за границы непосредственного практического опыта; оно не способно подняться до уровня обобщения и анализа, до оперирования вербально-логическими структурами. Именно поэтому образование, основанное на универсально-понятийной (европейской) схеме социального кодирования оказывается непосильным для ребенка, воспитанного на традиционных способах соци-

ального общения. Если процесс формирования универсально-понятийного социокода в европейских культурах занял около 40 столетий [15, с.90], то и в традиционных культурах профессионально-именной социокод не может быть в одночасье заменен новым. Поэтому образование, построенное на принципах европейского кодирования знания, не только неэффективно, но и разрушительно, поскольку порождает комплекс неполноценности у всего народа.

Разрушение традиционных механизмов самоорганизации формирует многомиллионные массы людей, не удовлетворенных своим настоящим положением и находящихся в состоянии постоянной фрустрации, тревоги, смятения. Идет мощный процесс маргинализации общества, превращения его во «внутренний пролетариат», так как, по А. Тойнби, «истинным признаком пролетария является не бедность и не низкое происхождение, а постоянное чувство неудовлетворенности, подогреваемое отсутствием законного места в обществе и отторжением от своей общины» [17, с. 346]. Массовая маргинализация общества становится социальной базой преступности, движений протеста и революций, восстанавливающих привычный порядок. Причем, чем выше оказывается «цена» реформ, тем более жестким и глубоким по своей сути становится «откат» от них.

В силу данных обстоятельств главная проблема, которую вынуждены решать традиционные общества, вступившие на путь модернизации, – это проблема выбора между свободой и порядком. Важность такого выбора подчеркивается Т. Цурутани: «развивающиеся страны должны иметь сильное, централизованное политическое лидерство, которое может быть авторитарным, олигархическим и даже тоталитарным... Цель развития страны – не свобода, а порядок» [19, с. 173-174]. Порядок в традиционном обществе, вставшем на путь модернизации, может быть обеспечен опорой на традиционные механизмы самоорганизации культур: государство как гарант стабильности; семья, формирующая навыки «органической солидарности», образование как механизм передачи социального опыта и т. д. Сохранение традиции позволяет а) консолидировать общество вокруг целей общественного развития; б) сохранять оптимальный баланс целей стабильности и развития; в) обеспечивать через апелляцию к тра-

диционным ценностям и смыслам функцию легитимации социальных перемен.

Необходимость выбирать между свободой и порядком обусловила и специфику модернизации в СССР начала XX века. Главными факторами, определявшими этот выбор, были: мировая война, сохранение традиционных институтов, культуры; полиэтничный характер российского общества. Порядок был необходимым условием выживания страны в условиях послевоенного, катастрофического времени. Принцип свободы был невозможен в России того времени, где подавляющая часть населения была безграмотна и верила в сакральный характер государственной власти. Социалистическая модернизация возникла как порождение западной цивилизации, как реакция на проблемы западной цивилизации и как альтернатива западному пути и западным ценностям, обосновывающая возможность иного пути. Та модель социального развития, которая предлагалась марксизмом: антирыночный подход, коллективизм, отрицание демократии и т. д. – наиболее соответствовала традиционным институтам и общинным принципам российского общества начала XX века. Экзогенная новация вступила в резонанс с базовыми характеристиками культуры и образовала достаточно эффективный синтез с традицией, обеспечив жизнеспособность российского общества.

Поэтому сложно согласиться с позицией Л.В.Полякова, доказывающего, что каждый этап модернизации в России приводил к изживанию, «снятию» одного из базисных параметров традиционного российского сознания: православия, деспотизма, коммунизма, экстенсивности [16]. В советский период все эти параметры наличествуют, но в модифицированном виде. На смену православной идеологии приходит коммунистическая идеология – «секуляризованное христианство» (Н.А. Бердяев), которое становится мощным средством легитимации социальных перемен, мобилизации масс и трансформации потусторонней аскезы, характерной для православия, в посюстороннюю аскезу. На смену родовой, клановой, территориальной общине приходит община производственная, основанная на тех же базовых принципах и выполняющая те же функции [12, т.2, с. 334]. На смену крестьянской семье приходит советская семья с характерной для нее публичностью семейной, личной

жизни, «открытостью» миру и стандартизацией образа жизни и поведения ее членов. Такие черты общественного устройства, как иерархизм, сакрализация власти, патерналистский характер государства, позволяют охарактеризовать советское общество начала XX века как общество традиционного типа.

На первых этапах существования советской власти такая стратегия модернизации соответствовала месту и времени своей реализации и принесла значительные плоды, благодаря которым Советская Россия приобрела статус нового «культурного образца», став «авангардом Востока», противостоящим Западу. Однако стратегии и методы реформаторской деятельности не могут быть универсальными для любых обществ и любых исторических обстоятельств: во-первых, они должны быть согласованы с внутренними особенностями системы; во-вторых, должны постоянно изменяться и корректироваться, поскольку по мере трансформации системы трансформируется и спектр возможных путей ее развития. То, что было целесообразно и оправдано в начале XX века, не могло быть эффективным в конце столетия: методы обеспечения социального порядка в критической ситуации не могут быть эффективными в ситуации стабильного состояния социокультурной системы. Отказ от постепенной трансформации социализма привел к нарастанию кризисных процессов, а затем и к краху всей системы, в результате которого процессы социального развития приобрели независимый от власти, неуправляемый характер. На наш взгляд, одной из главных причин этого краха стала асинхронность развития культуры и социальной организации, а также неспособность власти согласовать темпы и ритмы их развития: уровень развития рациональной, светски образованной личности, ориентированной на достижения, перестал соответствовать принципам общинной жизни с ее тотальной регламентацией и контролем за всеми сферами жизни общества.

Притягательность социалистической модели модернизации для традиционных обществ Востока была обусловлена тем, что она позволяла достичь целей современности без разрушения собственной традиции, без маргинализации и кризиса идентичности, а следовательно, позволяла сохранять порядок, без которого невозможно развитие общества. Однако в каждой конкретной стране марксизм как экзогенная новация,

соединяясь с исконной традицией и приспосабливаясь к ней, получал специфическое наполнение, что обусловило многообразие национальных «социализмов» в мире во 2-ой половине XX века. Так, китайский социализм гораздо больше походил на конфуцианство и даосизм, нежели на свой первоначальный источник.

Эффективность опоры на традицию продемонстрировал также в конце XX века опыт модернизации стран Юго-Восточной Азии, которые осуществляли модернизацию в условиях дефицита времени и использовали государство как механизм, способный придать «ускорение» социальному развитию, опираясь на традиционные механизмы самоорганизации культуры. Особенности модернизации азиатских стран стали:

- понимание властью огромного разрыва между желаемым и возможным (достижимым) результатом развития и, как следствие, ориентация на постепенность, поэтапность проводимых реформ;

- прагматизм власти в определении ближайших целей модернизации;

- опора на конфуцианско-патерналистские ценности восточных культур;

- сохранение ведущей роли государства во всех основных сферах жизнедеятельности общества как условия обеспечения его стабильности;

- подчинение задач развития общества духовным, нравственным принципам; опора на чувство национальной ответственности и национальной гордости, которое стало мощным мобилизирующим фактором социальной активности самых разных групп;

- сочетание экономической свободы как условия «низовой», спонтанной модернизации с сохранением значимости традиционных регулятивов деятельности, ограничивающих «страсть к наживе» и потребительские ориентации личности.

Данные особенности модернизации в полной мере могут быть отнесены к опыту развития Южной Кореи, которая начинала реформы в 60-ые годы в крайне неблагоприятных для себя природных, политических, экономических условиях. Военная диктатура как традиционный тип общественного устройства, воспроизводившийся от эпохи к эпохе; послевоенная разруха и крайне низкий уровень жизни населения, сравнимый с колониальным Суданом, крайняя скудость природных и людских ресурсов – таковы

стартовые условия модернизации Южной Кореи, за 20 лет превратившейся в одну из самых развитых стран мира.

Отказ от утопических проектов вестернизации и прагматизм власти Республики Кореи выразился в формулировке конкретных, реальных целей модернизации на ближайшую перспективу: поднять уровень доходов населения до 2-х долларов в месяц. В долгосрочной перспективе был сделан акцент не на догоняющем, а на опережающем развитии общества, следствием чего стало массовое финансирование государством развития науки, образования, культуры, новейших разработок в области высоких технологий, индустрии здоровья, сохранения и восстановления природной среды, новых источников энергии и т. п.

«Низовая» модернизация корейского общества оказалась тесно связанной с дуализмом традиционной корейской культуры, сосуществованием в ней различных типов социальной ориентации: аскриптивных и достижительных связей, коллективистской корпоративной морали – с одной стороны, и стремления к выдвиганию из своей среды сильной, активной личности и обеспечение ей абсолютной коллективной поддержки – с другой. Корейские «чэболи» – семейные корпорации, во главе которых стояла такая активная личность, стали основой экономического процветания всей нации. Традиционная этика общения, семейные ценности взаимной поддержки и доверия, общего дела и общей ответственности оказались не менее эффективными, чем рационализм западного типа. Сегодня модель модернизации Южной Кореи, успешно осваивающей постиндустриальные технологии, признана экспертами наиболее конструктивной моделью развития в регионе и активно используется Малайзией, Сингапуром, Тайванем [11].

Однако особого внимания, на наш взгляд, заслуживает опыт модернизации Китая, который за 20 лет реформ превратился в мировую державу, влияющую на геополитическую ситуацию в мире, в том числе в России. В основу государственной стратегии модернизации КНР был положен конфуцианский принцип «золотой середины», предписывающий избегать крайностей при принятии решений, в любом деле видеть как негативные, так и позитивные стороны, умение отказаться от устаревших догм и стереотипов [3, с. 26]. Прагматизм и гибкость государствен-

ной элиты КНР нашли свое выражение в собственной интерпретации модернизационных ценностей, в числе которых значились свобода, демократия, рынок. Свобода здесь понимается, прежде всего, как экономическая свобода: в условиях отсутствия демократических традиций власть должна опираться на традиционные механизмы обеспечения социального порядка. Поэтому традиции – не препятствие на пути модернизации, а залог ее успеха и условие единства общества. Сильное государство, авторитарная власть – не ограничение возможностей развития, а условие политической стабильности и безопасности, без которых невозможно развитие. Демократия – не главный двигатель, «пусковой механизм» модернизации, а ее результат, возникающий по мере формирования экономических, политических, культурных предпосылок внедрения демократических институтов. Модернизованность институтов – не степень их демократизации и соответствия западным образцам, а их эффективность в решении конкретных проблем. Модернизация – не революционный скачок из традиционности в современность, а постепенное изменение общества по мере изменения его существенных характеристик. Цель модернизации – не свобода (на данном этапе она просто невозможна), а порядок, без которого невозможно развитие, в том числе и демократия.

Таким образом, отказ от форсированного внедрения западных институтов и ценностей, от механического копирования и опора на собственную традицию (в том числе и социалистическую) – основные черты китайской модернизации, принципиально отличающие ее от постсоветской. Однако это не означает, что модернизация в КНР лишена каких-либо недостатков. Как указывает В. Г. Гельбрас, личность в китайском обществе по-прежнему остается слугой государства, а величие самого государства ассоциируется не с развитием человека, а с подъемом производительных сил [6, с. 134-135]. Поэтому вопрос о перспективах китайской модернизации – вопрос, который остается открытым. Права личности в Китае по-прежнему игнорируются, но «китаец о своих правах никогда ничего не слышал и не желает пока слушать. Он рад безмерно, что у него есть достаточно еды и можно что-то заработать» [10, с. 127]. В европейских странах процесс формирования демократических институтов занял более ста лет. Стремление ускорить данный

процесс создает непосильную нагрузку на традиционные механизмы обеспечения социального порядка, приводя к потере управляемости общества. Поэтому внедрение демократических институтов может осуществляться только постепенно, по мере формирования социокультурных предпосылок в обществе, как это происходит в современной Японии, Южной Корее, Тайване. Задача государства в таком случае – обеспечить согласование темпов развития различных сфер общественной жизни.

Стратегия модернизации стран Юго-Восточной Азии оказалась адекватной глобальным тенденциям современной эпохи, так как сегодня все большее признание в мире получает представление о том, что ценность свободы по-разному понимается в разных культурах: «...человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе» [цит. по 8, с. 36]. Стремление дать универсальную (а по сути европоцентристскую) трактовку свободы сопровождается насильственными попытками утвердить во всем мире западную модель демократии, которая в начале XXI века продемонстрировала свою неэффективность, формальность. Современное западное общество с его тотальными технологиями манипулирования человеком сегодня не более свободно, чем любое другое. Кроме того, как доказывают исследования, утверждение демократических институтов в обществе требует высокого уровня ресурсного обеспечения, как культурного (демократические традиции), так и материального (высокий уровень экономического развития и доходов населения). В бедной стране демократические институты оказываются неустойчивыми большей частью населения и весьма недолговечны [15, с. 120-121].

На наш взгляд, ценность западного опыта для всего человечества состоит в том, что Запад показал: сколь-нибудь успешная модернизация невозможна без определенного уровня свободы на микроуровне системы, без формирования личности современного типа – свободной, активной, деятельной. Однако формирование такой личности – не одномоментный процесс, иницируемый «сверху» и организуемый в соответствии с конструируемым идеалом, а длительный и драматический процесс, занимающий интервал жизни не одного поколения. Этот процесс, во-первых, осложняется

сопротивлением бессознательных, ментальных структур культуры, которые не поддаются рационально-волевому управлению; во-вторых, он осуществляется в открытой, нелинейной среде, где управленческое воздействие, не согласованное с внутренними особенностями системы, может породить непредсказуемый результат. Следовательно, в модернизирующемся обществе свобода личности, создающая хаос на микроуровне, должна быть ограничена порядком на макроуровне социокультурной системы. А потому, на наш взгляд, наиболее успешной может считаться та модернизация, которой удалось подчинить индивидуалистическое начало высшим духовным принципам культуры. Только таким образом модернизирующееся общество может избежать опасности эгоистического индивидуализма и бездуховного мещанства, с одной стороны, и рабского растворения в «беспорном, общем и согласном» человеческом муравейнике, с другой. На наш взгляд, в качестве принципа совмещения этих двух противоположных культурных установок может быть использовано высказывание Н.А. Бердяева: «Человек должен быть теоцентричен и организовать себя на божественном начале, в этом его образ, общество же должно быть антропоцентрично и организовываться на начале человечности» [2, с. 537]. Обеспечить же подобный порядок в обществе возможно только при условии сохранения традиции. Современное духовное состояние западного общества, связанное с разрушением традиции, во-первых, ставит под сомнение тезис о завершенности и непротиворечивости западной модернизации; во-вторых, актуализирует обращение Запада к опыту Востока с целью рефлексии собственной модели развития, ее сильных и слабых сторон, корректировки стратегий модернизации.

Анализируя особенности модернизации восточных культур, следует сделать вывод о том, что эффективность данного опыта во многом была детерминирована оптимальным соотношением хаоса и порядка, традиционных механизмов самоорганизации культур и экзогенных новаций. Ослабление одних параметров порядка (в экономической сфере) было компенсировано сохранением и даже усилением других (государство, культурная традиция). Опыт модернизации азиатских стран стал доказательством

того, что, во-первых, возможны различные модели модернизации, основанные на различных представлениях о целях, задачах и методах обеспечения социального развития; во-вторых, воз-

можна модернизация без модерни, без безуспешных попыток импорта «духа капитализма» в традиционные культуры и разрушения собственной идентичности.

14.05.2013

Список литературы:

1. Бергер, Я. Модернизация и традиция в современном Китае / Я. Бергер // Полис. – 1995. – №5. – С.60-77.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 624 с.
3. Буров, В.Г. Модернизация современного китайского общества / В.Г. Буров // Модернизация и национальная культура: материалы теоретического семинара. – М.: Апрель-85, 1995. – С. 21-30.
4. Вебер, М. Развитие капиталистического мировоззрения / М. Вебер. // Вопросы экономики. – 1993. – №8. – С.153-158.
5. Гаман, О.В. Модернизация и культурная традиция / О.В. Гаман // Модернизация и национальная культура: материалы теоретического семинара. – М.: Апрель-85, 1995. – С. 87-94.
6. Гельбрас, В.Г. Национальная идентификация в России и в Китае (Опыт сравнительного анализа) / В.Г. Гельбрас // Полис. – 1997. – №1. – С.129-144.
7. Зарубина, Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства / Н.Н. Зарубина. – М.: Магистр, 1998. – 360 с.
8. Ионин, Л.Г. Социология культуры: учебное пособие / Л.Г. Ионин. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
9. Ксенофонтова, Н. Культурные традиции африканских народов в сфере трудовой деятельности / Н. Ксенофонтова // Вопросы экономики. – 1993. – №8. – С.144-152.
10. Малевич, И.А. Внимание, Китай / И.А. Малевич. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 320 с.
11. Малевич, И.А. Когда в Европе еще вчера, в Корею уже завтра / И.А. Малевич. – Мн.: Харвест, 2002. – 304с.
12. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. / Б.Н. Миронов. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000.
13. Панарин, А.С. Философия политики: учебное пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов / А.С. Панарин. – М.: Новая школа, 1996. – 424 с.
14. Пантин, В.И. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна: Феникс+, 2006. – 448 с.
15. Петров, М.К. Человек и культура в научно-технической революции / М.К. Петров // Вопросы философии. – 1990. – №5. – С.79-92.
16. Поляков, Л.В. Методология исследований российской модернизации / Л.В. Поляков // Полис. – 1997. – №3. – С.5-15.
17. Тойнби, А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1996. – 608 с.
18. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.
19. Tsurutani, T. The Politics of National Development, Political Leadership in Transitional Societies. – N.Y. – 1973. – 274 p.

Сведения об авторе:

Мухамеджанова Нурия Мансуровна, заведующий кафедрой культурологии
Оренбургского государственного университета, доктор культурологии, доцент
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372574, e-mail: nuriyam@yandex.ru

UDC 008**Muhammedzhanova N.M.**

Orenburg state university

THE PROBLEM OF FREEDOM AND ORDER IN MODERNIZING SOCIETIES

The article explains the idea that the main problem of a modernizing society is the problem of choosing between freedom and order. Need of such choice caused specific of modernization in the USSR at the beginning of XX century, and the countries of South-East Asia in the second half of the XX century. From positions of the author, efficiency of east strategy of modernization determined by an optimal balance of freedom and an order, traditional mechanisms of self-organization of cultures and exogenous innovations.

Key words: modernization, traditional culture, cultural code, traditional mechanisms of self-organization, innovation, democratic institutions, culture of modernity.